

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

С. В. Лебедев

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ
БУНАКОВ
(1837 – 1904)
(К 175-летию
со дня рождения)

УДК 371.4

ББК 74.03(2) Бунаков Н. Ф.

В статье рассматривается биография выдающегося педагога народной школы Николая Федоровича Бунакова, основные этапы его педагогической деятельности.

Ключевые слова: Н. Ф. Бунаков, народная школа, сельский театр, учительские съезды.

S. V. Lebedev

NIKOLAY FYODOROVICH BUNAKOV
(1837-1904)
(in connection with 175th anniversary)

The article presents a biography of the outstanding pedagogue of the people's school Nikolay Fyodorovich Bunakov and the main periods of his pedagogical activity.

Key words: N. F. Bunakov, people's school; country theatre; teachers' conventions.

Николай Федорович Бунаков родился 26 ноября 1837 г. в г. Вологде в семье Ф. Н. Бунакова, служившего правителем канцелярии при вологодском военном губернаторе. В возрасте 9 лет Н. Бунаков поступил

в Вологодскую классическую гимназию, которую окончил в 1854 г. Перед семнадцатилетним юношей открывались три наиболее привлекательные для него пути. Прежде всего, его интересовала научно-исследова-

тельская работа; он с большим желанием занимался литературой, что определяло его стремление посвятить свою жизнь литературной деятельности; наконец большое уважение к педагогическому труду, возникшее у Бунакова, утверждало его в намерении начать свой практический путь народным учителем. Сдав экзамен на право преподавания русского языка в уездном училище, Н. Бунаков был назначен в Тотьму — глухой провинциальный городок. Однако трудности не испугали Бунакова, а заставили его вдумчиво и серьезно работать над собой. Значительную роль в этом сыграло чтение педагогической литературы. Особенно внимательно он следил за выходящими в то время педагогическими журналами, затрагивавшими важнейшие вопросы воспитания и обучения детей. Не удовлетворяясь существовавшей постановкой обучения в училище, Н. Бунаков пытался самостоятельно отыскивать пути к достижению лучших результатов. Его уроки выделялись среди уроков других учителей своей живостью, увлекательностью. Для прочности и сознательности усвоения учащимися предмета, закрепления материала, самостоятельной работы им были составлены специальные «Записки по элементарной грамматике», представлявшие сравнительно простой и доступный для учащихся курс грамматики. Творческие начинания в педагогическом деле выдвинули Бунакова в число лучших педагогов среди учителей губернии, и в 1859 г. ему было предложено пере-

ехать в Вологду, работать в уездном училище [1. С. 12].

Наряду с учительской работой Н. Бунаков успешно занимался разносторонней литературной деятельностью и исследованиями по истории Вологодского края. Им были написаны: монография «Вологда в начале XVII в.», статьи: «Очерк народного образования в Вологодской губернии», «Новые материалы для определения народной образованности в Вологодской губернии», были записаны народные песни «Об Анике-воине» и «О пребывании Ивана Грозного в Вологде», а также ряд публицистических статей, отражавших различные стороны хозяйственной и общественной жизни Вологодского края. В 1864 г. Н. Бунакову предложили перевод в Полоцкое дворянское училище, однако, не приняв его, он направился в Петербург, решив посвятить себя педагогическому труду.

Принятому решению в значительной степени способствовали его встречи с К. Д. Ушинским, который в это время вернулся из-за границы: «Мне приходилось несколько раз бывать у него, беседовать с ним об учебно-воспитательном деле. Тогда он был в самом радужном настроении, широкие планы роились в его голове и светлыми надеждами была полна его душа... Он держал себя просто и приветливо, а когда заходила речь об учебно-воспитательном деле — весь расцветал и увлекался разговором, забывая время, которым тогда очень дорожил» [1. С. 15].

Будучи в Петербурге, Н. Ф. Бунаков также имел возможность познакомиться с работой бесплатной школы, руководимой известным в то время педагогом Ф. Ф. Резенером, обучение в которой строилось на началах свободы и уважения личности. Непосредственные наблюдения, а также беседы с педагогами по различным вопросам учебно-воспитательного дела с новой силой захватили мысли и чувства Н. Ф. Бунакова. Стремясь заняться серьезным практическим делом, Бунаков в 1866 г. переехал в г. Воронеж, где ему представилась возможность работать в качестве преподавателя русского языка в Воронежской военной гимназии.

Работая в военной гимназии, он быстро подметил те недостатки в подготовке детей, с которыми они поступали в гимназию и которые сильно тормозили обучение. Чтобы устранить эти недостатки в первоначальной подготовке детей, намеревавшихся поступить в средние или другие учебные заведения повышенного типа, с одной стороны, и, с другой, — чтобы облегчить возможность поступления в гимназию детям малосостоятельных родителей, Н. Ф. Бунаков в 1867 г. организовал первоначальную школу с двухгодичным сроком обучения. Дети обучались обычным для начальных школ предметам: закону Божию, чтению, письму, арифметике и, кроме того, рисованию и черчению, наглядной геометрии и иностранному языку. Проводились также уроки пения, гимнастические упражнения и игры.

Применение, каких бы то ни было телесных наказаний в школе, категорически запрещалось. Вся педагогическая работа строилась на принципах: уважения личности ребенка, содержательности, доступности и привлекательности занятий, положительного примера учителя и т. д. Н. Ф. Бунаков руководил работой учителей и сам давал уроки. Ему хотелось возможно конкретней определить методические пути и приемы, при помощи которых сравнительно быстро достигалось бы прочное овладение детьми определенной суммой знаний и навыков и одновременно развивалось бы их мышление, способность самостоятельно думать, умело выражать свои мысли устно и письменно. В этом плане Н. Ф. Бунаков внимательно изучал пути и формы проведения эвристической и катехизической беседы, уроков объяснительного чтения, экскурсий, разнообразных видов самостоятельной работы детей.

Опыт работы школы, выводы и заключения, по тем или иным вопросам обучения и воспитания детей, освещались в публиковавшихся ежегодно отчетах Н. Ф. Бунакова по школе. Этот опыт был широко использован им и для составления учебников, книг для чтения и методических руководств в начальной школе. За время работы в Воронежской первоначальной школе им были составлены: «Азбука и уроки чтения» и руководство к этой книге; «Книжка-первинка»; книга для чтения «В школе и дома».

В 1872 г. он был приглашен в ка-

честве лектора на Всероссийский учительский съезд, в котором участвовало 700 учителей и деятелей народного образования. Курс лекций, прочитанный Н.Ф. Бунаковым для участников съезда, был издан потом под общим названием «Родной язык как предмет обучения в народной школе».

Выступление Бунакова перед участниками I Всероссийского учительского съезда положило начало его большой плодотворной работе среди народных учителей. Продолжая учительскую деятельность в Воронежской, а затем в Петинской школе, он в последующие годы своей жизни выезжал для чтения лекций и руководства работой учительских съездов и курсов, проводившихся в различных городах страны. Он побывал в Костроме (дважды), в Пскове, Великих Луках, Ирбите, Нижнем Тагиле, Шадринске, Курске, Тамбове, Херсоне, Одессе, Ярославле и других городах.

Помимо лекций и докладов, с которыми Н. Ф. Бунаков выступал на съездах и курсах, он давал и практические уроки, на которых показывал, как следует пользоваться в практике общепедагогическими и методическими положениями, советами и указаниями. В знак глубокой признательности передовое учительство России присвоило Н. Ф. Бунакову почетное звание «учителя народных учителей».

Материал лекций, прочитанных Н. Ф. Бунаковым на различных курсах и съездах учителей, был издан отдельной книгой: «Школьное дело». О своем многолетнем опыте работы

среди народных учителей, Бунаков рассказал в книге «Как я стал и как перестал быть учителем учителей».

В 1875 г. Министерством народного просвещения были введены «Правила», согласно которым учительские съезды заменялись учительскими курсами, на которых лектора должны были читать лекции, а участники курсов слушать их. Свободный обмен мнений не допускался.

По распоряжению властей Н. Ф. Бунакову было запрещено руководить съездами. По этому поводу он писал: «Руководство съездами народных учителей у меня было отнято, и это было для меня тяжелым ударом не в материальном, а в нравственном отношении, мне предстояло лето без той живой работы, без того симпатичного общества молодежи, работающей в народных школах, без тех сладостных волнений, которые стали самым дорогим интересом моей жизни» [2. С. 23]

Разрешение на участие в учительских съездах было дано Н. Ф. Бунакову только в 1881 г., но в 1884 г. его вновь отстраняют от этой работы как неблагонадежного с точки зрения государственно-административного аппарата.

Решение чиновников вынуждает Н. Ф. Бунакова покинуть Воронеж и 1884 г. переехать в село Петино Воронежской губернии. Приобретая на свои сбережения небольшое имение, 22 октября 1884 г. в специально построенном помещении он открывает начальное народное училище.

Н. Ф. Бунаков с самого начала существования училища прилагал все усилия к тому, чтобы охватить обучением всех детей местных жителей. В этих целях он вел разъяснительную работу среди населения, оказывал материальную помощь особо нуждавшимся семьям, а для детей из отдаленных сел и деревень при училище был устроен интернат. Опытный педагог существенно расширил содержание образования начальной народной школы: помимо обучения чтению, письму и счету, вводились занятия по истории, географии и литературе, изучению природы. Особое внимание уделялось светскому пению, которое считалось важным средством эстетического воспитания. Помимо классных занятий с учащимися, проводились работы на специально отведенном для школы земельном участке, главным образом, по садоводству и огородничеству.

Применяя разнообразные методы и приемы обучения, широко используя различные виды наглядности и лабораторно-практические работы, Н. Ф. Бунаков считает самостоятельную работу ценным средством развития творческого мышления. Важнейшей задачей курса «родной язык» является формирование умения грамотно и культурно излагать свои мысли, которая обусловила логику построения учебного содержания. Начиная с первого года обучения, вводятся сочинения, которые постепенно усложняются: от описания рассмотренного предмета или картины при помощи поставленных учителем вопросов, - к выполне-

нию подобных работ без руководства учителя, описание проведенного дня в школе и т. д. В старшем классе, дети пишут сочинения на темы, требующие применения исторических, географических и иных знаний. Важнейшим критерием оценки детских работ было не только грамотное, но и живое, художественное изложение материала. Такая практика, по мнению Н. Ф. Бунакова, способствовала развитию в детях любознательности, наблюдательности, умения анализировать и обобщать виденное и пережитое, вооружала их умением выражать свои мысли в письменной форме, наиболее приемлемой с точки зрения литературного языка.

Деловая атмосфера в школе, соблюдение детьми установленного порядка, поддержание в школьных помещениях чистоты и уюта, обеспечивали дисциплину на уроках и четкую организацию образовательного процесса. Отрицая телесные наказания и другие грубые средства насилия над личностью ученика, Н. Ф. Бунаков обращал особое внимание на авторитет учителей, внутреннюю организацию пространства школы, специфику жизнедеятельности детского коллектива. Он делал все, чтобы добиться от учителей самого аккуратного и добросовестного отношения к делу и примерного поведения, чтобы внешнее и внутреннее устройство школы было привлекательным, чтобы установленный школьный распорядок строго соблюдался, чтобы школа была обеспечена всеми необходимыми пособиями для учебных и

внеклассных занятий детей. И в самом деле, Петинская школа располагала большим набором наглядных пособий, многими приборами, необходимым комплектом учебников и учебных книг и библиотекой, в которой насчитывалось до 800 книг для внеклассного детского чтения.

Предъявляя высокие требования к себе как учителю и педагогическому коллективу в целом, Н. Ф. Бунаков был требователен и по отношению к детям. Он внимательно следил за тем, чтобы дети не допускали безответственного отношения к своим обязанностям, чтобы каждое начатое дело доводилось ими до конца и выполнялось, по мере сил, хорошо. В требовательном отношении к детям Бунаков не видел ничего плохого, если оно основано на разумном и искреннем стремлении учителя сделать ребенка знающим, умеющим, культурным, воспитанным, на глубокой уверенности в том, что, при соответствующем руководстве и помощи, ребенок может быть таковым, на умении сочетать высокую требовательность с высоким уважением личности ребенка, с гуманным отношением к нему.

Помимо внеклассного чтения, в Петинской школе проводились литературные и музыкальные вечера, вечера, посвященные памяти замечательных русских писателей и деятелей культуры. К участию в них привлекались родители учащихся и местные жители. Бунаков считал эти мероприятия важными и необходимыми по следующим причинам: во-первых, они

содействовали повышению культурного уровня населения, во-вторых, помогали сближению школы с населением, повышали авторитет школы, усиливали интерес и внимание к школе со стороны местных жителей.

Н. Ф. Бунаков был врагом всякого стремления избавить школу от какого бы то ни было вмешательства в ее дела со стороны населения и прежде всего родителей. Он высказывал убеждение в том, что школа только тогда станет успешно развиваться, когда тесно будет связана с народом, когда встретит с его стороны сочувствие, заботу и внимание и, наконец, когда постоянно будет чувствовать свою ответственность перед ним. Чтобы справиться с этой задачей, педагог ввел в практику школы ежегодные публичные отчеты школы перед населением.

Богатый опыт организации образовательного процесса в Петинской школе Н. Ф. Бунаков использовал как наглядный авторский материал для своих учебных книг. Опираясь на этот опыт, он подверг серьезной переработке книгу для чтения «В школе и дома», значительные поправки внес в «Азбуку» и «Книжку-первинку», составил новую книгу для чтения «Живое слово» и написал ряд педагогических статей, вошедших в сборник «Сельская школа и народная жизнь».

В 1888 г. Н. Ф. Бунаков организовал в Петине самодеятельный «крестьянский театр», исполнителями ролей в котором были ученики школы, а художественным руководителем «театра» стал сам Николай Федорович.

Памятные даты истории образования и педагогики....19

Спектакли, очень нравившиеся местному населению, скоро стали известными далеко за пределами Петина и послужили толчком к развитию драматических кружков и в других районах страны.

В 1902 г., после выступления на заседании комитета сельскохозяйственной промышленности, в котором Н. Ф. Бунаков смело и очень остро критиковал существовавшие тогда «порядки» и требовал коренного изменения их, он был вначале арестован, а потом выслан под гласный надзор полиции в г. Острогожск Воронежской губернии с запрещением заниматься какой бы то ни было педагогической и просветительной деятельностью.

Петинская школа и театр были закрыты, а здание школы Н. Ф. Бунаков пожертвовал для народного дома в Воронеже.

Насильно оторванный от своего любимого дела, лишенный живой практической работы, он в последние годы своей жизни занимался только литературным трудом. Незадолго до смерти талантливому педагогу-практику, знаменитому организатору учительских съездов была возвращена свобода и право заниматься общественной деятельностью, но ссылка и глубокие переживания окончательно подорвали здоровье и 8 ноября 1904 г. Н. Ф. Бунаков скончался от тяжелой болезни [3].

Список литературы

1. Соловьева, В. Д. Педагогические взгляды и деятельность Н. Ф. Бунакова / В. Д. Соловьева; под ред. члена-корр. АПН РСФСР, проф. В. З. Смирнова. — М. : Изд-во АПН РСФСР, 1960. — 181 с.

2. Бунаков, Н. Ф. Моя жизнь / Н. Ф. Бунаков // Спб.: Б. и., 1909. — 594 с.

3. Бунаков, Н. Ф. Избранные педагогические сочинения / Н. Ф. Бунаков // М. : Изд-во АПН РСФСР, 1953. — 412 с.

Н. Ф. Бунаков

ШКОЛЬНОЕ ДЕЛО УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ, ПРОРАБОТАННЫЙ НА УЧИТЕЛЬСКИХ КУРСАХ И СЪЕЗДАХ ЗА 30 ЛЕТ (1872-1902)*

Г л а в а X I

Идеалы и средства нравственного воздействия школы и воспитывающего обучения на учеников

Какие же нравственные качества должна и может развивать школа в своих учениках, пользуясь выгодными сторонами общественного обучения и имея в виду индивидуальные особенности, темперамент каждого из них? К развитию каких именно стремлений, наклонностей, привычек она должна направить свою воспитательную деятельность? Чтобы ответ на эти вопросы не был произвольным и слишком общим, надо поставить впереди такой идеал нравственного развития, который соответствует современным понятиям о нравственном достоинстве человека и не может встретить веских возражений, которые заставили бы призадуматься.

Всякий на самом себе, конечно, испытал, что жизнь человеческая представляет две стороны, так сказать — двойится. С одной стороны, представляется та реальная действительность,

которая подлежит ведению, во-первых, администрации, суда и т. п., во-вторых, истории, этнографии, статистики, вообще науки. С другой стороны, под этою видимою, осязательною, реальною действительностью, доступною непосредственному наблюдению, совершается другой жизненный процесс, далеко не так легко поддающийся наблюдению, но служащий источником, житейской борьбы. Этот сокровенный процесс идеальной жизни, и приводит в движение реальную жизнь, не позволяет ей застояться, а постоянно волнует, одушевляет и толкает ее вперед.

Надо определить хотя самые существенные черты того идеала, который должна иметь в виду русская народная школа, приготовляя своих учеников для общества и для общественной жизни, соединяя с делом обучения не менее важное и, во всяком случае, неизбежное дело нравственного воспитания, а вместе с тем — казать и на те средства, которыми школа владеет и может пользоваться для достижения цели.

* Бунаков Н. Ф. Избранные педагогические сочинения / Н. Ф. Бунаков // М. : Изд-во АПН РСФСР, 1953. С. 215–246.

Школа должна развивать в своих учениках любовь и уважение к труду как в интересах обучения, так и в интересах жизни вообще, следовательно, воспитательным средством в этом случае, прежде всего и является самоучение. Ученик, полюбивший и с уважением исполняющий свой школьный труд, конечно, в значительной степени расположен к труду вообще и, во всяком случае, имеет большое преимущество перед школьным лентяем, который с нетерпением ждет окончания урока и с ненавистью смотрит на проклятые книги, источник его мучений, слез, скуки. Чтобы ученик полюбил учение — этот труд, на котором школа может развивать в детях любовь к труду вообще, необходимо, следовательно, чтобы учение соответствовало возрасту и силам учащегося и занимало его: только при этом условии учебный труд будет иметь воспитательное значение, пойдет успешно и принесет хорошие плоды. С другой стороны, при всей его занимательности и соразмерности с возрастом и силами ученика, учение все-таки должно быть трудом, а не игрой и забавой, иначе цель опять-таки не достигается: ведь тот житейский труд, который ученику придется со временем нести в жизни, вовсе не похож на забаву, и смешение дела с бездельем еще никогда не приносило хороших результатов. Надо поставить дело так, чтобы и школа, и учитель, и ученье, все школьные порядки с первого раза представились детям не пугалами, чтобы они понравились, полюбились детям, и вместе с тем воз-

будили в них уважение. Учитель сам должен серьезно относиться к своему делу, являясь на дело всегда подготовленным, бодрым, не позволяя себе никогда неуместных шуток, ни вялой апатичности, ни распушенной игривости; манера иных учителей обращаться к своему делу, как к отбываемой по неволе обязанности. Учитель сам должен интересоваться содержанием преподаваемого, чтобы заинтересовать детей, не опускаясь сам до детской наивности, а стараясь поднять их до своей серьезности, соединенной с увлечением, с энтузиазмом. Школа должна готовить ребенка для труда самостоятельного, для жизни, поэтому в учении она должна проводить постоянно начало самостоятельности, начало самостоятельного труда.

Рядом с трудом, видным и неоспоримым мотивом жизни современного человека является его национальная особенность: сознавать себя гражданином известной страны и стремиться к пользе своего отечества, как к личной выгоде. Школа имеет довольно случаев и должна поддерживать в своих учениках чувство народности. Во-первых, к этому ведет толковое изучение родной природы, отечественной географии и истории; во-вторых, изучение родного языка и поэтического материала, представляющего идеальное изображение русской природы и русской жизни. Здесь дело не в том, чтобы искусственно подогревать в детях любовь к отечеству и представлять им все отечественное преувеличенно

прекрасным; оно только схватывает и развивает в изображаемом предмете ту идею, которая в действительности затемнена и открыта не всякому, так что большинство людей чувствует присутствие идеи, но не сознает ее и не может дать отчета в своем чувстве. В детях, выросших при известной обстановке, уже есть зародыш любви к отечеству, школе остается только способствовать правильному развитию этого зародыша, осветить, осмыслить непосредственное чувство путем изучения родной страны с ее жизнью и путем расширения личных интересов ученика до интересов общественных. Разумная педагогика, просвещающая умы воспитанников светом европейской науки, насколько это возможно, рядом с любовью к отечеству должна развивать и вообще любовь к человеку, в обширном смысле слова. Школа — представляет общество, которое собрано с известною целью, общию для всех и каждого из ее членов; здесь, для успешной работы, необходимо установление справедливости, подчинение личных интересов общим, порядка, как оно необходимо и во всяком обществе. Школа должна выработать внутри себя известный порядок, одинаково обязательный для всех, основанный на разумных началах, проводимый настойчиво, последовательно, содержащий в себе очевидные удобства и выгоды для всех вместе и для каждого порознь, а потому не представляющий насилий. Учитель — представитель и хранитель этого порядка, отстаивающий его

не по личной прихоти, не из личного интереса, а из уважения к делу, которое охраняется этим порядком: он и сам подчиняется этому порядку. Как блюститель ее, учитель должен быть в своих действиях последователен и справедлив; но в то же время не должен забывать и того, что перед ним не куклы, а люди; что разумная дисциплина состоит только в известной мере подчинения личных интересов общим, не в уничтожении личности с ее особенностями, не в мелочной регламентации каждого движения и каждого слова. Он должен в известной степени знать личность каждого ученика и действовать сообразно с личными особенностями: по отношению к иной личности взгляд больше сделает, нежели резкое слово и далее удаление из класса по отношению к другой, хотя причина, вызывающая то или другое или третье действие учителя, может быть одна и та же, одно и то же нарушение общественного порядка во вред всему обществу. В школьных порядках должна заключаться масса благоприятных нравственных влияний, образующих многие важные стороны характера, каковы: уважение к общественным интересам, разумная сдержанность, обдуманность в поступках, критическое отношение к самому себе, живая связь между словом и делом, способность входить в общие интересы из тесной рамки своих личных интересов.

Какими средствами владеет школа для нравственного воздействия на своих учеников? Первое из них —

содержание и характер обучения. Второе средство — личность учителя. Личность учителя, без сомнения, имеет огромное влияние на детей. Дети еще не в состоянии отделить, разобщить преподаваемое и преподавателя, отвлеченное понятие от личности. Известно, что любовь к учителю побуждает к учению, к вниманию, к труду иногда весьма ленивых и рассеянных детей, ради любимого учителя они делают серьезные усилия над собой и нередко обнаруживают неожиданные успехи. Особенно сильно это орудие, если оно подкрепляется примером учителя: его одушевленное, живое отношение к делу переходит к детям, возбуждая в них восприимчивость и стремление к деятельности, к победе трудностей; его гуманность сообщается детям; его справедливость направляет их к справедливости; его уважение к работе и энергия в труде находят отзыв в душе учеников. Неаккуратность учителя, апатичное отношение к делу, противоречие между словом и делом, жестокость, грубость, неопрятность — точно так же не пройдут бесследно для учеников, как и примеры хорошие, тем более, если в детях, при известных условиях домашней жизни, уже есть наклонность и некоторые задатки для развития этих свойств: в последнем случае пример, как впечатление, находит в душе ребенка однородный материал, соединяется с ним, усиливает его, и так складывается прочное руководящее начало для известного рода неподобительных поступков.

Никто не требует от учителя герой-

ского самоотвержения Песталоцци и неутомимой деятельности Дистервега: достаточно одной обыкновенной любви к делу, которая придает работе живость и не скроется от детского взгляда, не пройдет без впечатления, более или менее сильного, во всяком случае — плодотворного. Учитель, во всяком случае, должен быть другом детей, понимать и любить их несколько больше, нежели другие люди, занятые иным трудом. Наконец, это просто требование добросовестности, которая не допускает пристрастия, фальши и жестокости даже относительно животных, не только людей. То же следует сказать об аккуратности и уважении порядка. Учителю вовсе не так трудно быть хорошим примером для учеников, как это кажется с первого раза, лишь бы он любил свое дело, понимал его и добросовестно относился к нему. При этом следует помнить, что пример учителя важен не для того, чтобы с учеников слепить копии учителя, а как масса благоприятных впечатлений, из которых, в связи со множеством других впечатлений, должен сложиться у каждого ученика свой внутренний мир, соответственно природным свойствам его душевных сил. При равномерном влиянии одной и той же личности учителя, из разных учеников его могут и должны выйти люди весьма разнообразных характеров; но из этого вовсе нельзя заключить, чтобы хорошие примеры учителя для одних прошли бесследно, а из других образовали хороших людей:

они дали известный результат во всех случаях, действуя на каждого ученика плодотворно, но не в одинаковой мере, и вошли не в одинаковые сочетания с другими душевными явлениями.

Наконец, в школе есть еще средство для нравственного влияния на учеников, для образования и развития в них тех или других наклонностей и привычек. Это средство — школьные порядки и способы их поддержания, тот склад школьной жизни, который иногда устанавливается непоколебимо прочно, стоит сам собой часто даже в таких случаях, когда никто за ним не смотрит, а в детскую натуру въедается так глубоко, что школьники нередко переносят его и в свою домашнюю обстановку.

Школьные порядки должны быть приведены учителем в точную, определенную известность и, прежде всего, последовательно соблюдаемы им самим. Так как соблюдение этих порядков обязательно для детей и должно мало-помалу перейти в привычку, то они должны быть известны ученикам, сказаны им своевременно, коротко и ясно, чтобы в случае отступления от них ни один ученик не мог отговариваться и оправдываться незнанием. Конечно, новые ученики будут знакомиться с ними постепенно, по мере надобности, чтобы масса правил не подавила их с первого раза, да притом в сообщении всех их разом не может быть и надобности. Но правило, раз установленное, должно быть соблюдаемо, а отклонение от него неупустительно. В этом случае учитель

должен быть тверд и последователен, иначе он ничего не достигнет. Сюда относятся: опрятность лица и рук, а также исполнение заданных работ. Правда, что обучение в школе главным образом должно двигаться не задаванием уроков для домашнего приготовления, а классной работой; но необходимы в известной мере и уроки на дом, если это возможно, при известных условиях домашней жизни. По мере того, как у детей скопится масса знаний и расширится их умственный кругозор, не только можно, но и необходимо постепенно приучать их работать дома, то есть, во-первых, в одиночку, во-вторых, самостоятельно, потому что школа имеет целью не саму себя, а жизнь. Домашние работы важны еще и в том отношении, что приучают детей думать о завтрашнем дне, заботиться своевременно о своих обязанностях и внимательно, надлежащим образом выполнять их. Потому-то они имеют не только учебное, но и воспитательное значение. Но для того, чтобы воспитательная цель достигалась, надо, чтобы заданная работа занимала детей и соответствовала их силам: работа непосильная напрасно утомит ребенка, поставит в необходимость быть неисправным, а то и доведет до отчаяния, так что он махнет рукой на свои обязанности. Притом же непосильная работа не может быть и занимательной, не может нравиться, интересовать и увлекать маленького работника, а без этого невозможно удовлетворительное исполнение ее. Как работа, удовлетворяющая сказан-

ным условиям, воспитывает в ученике самостоятельность в труде, заботу о завтрашнем дне и добросовестное отношение к своим обязанностям, так, напротив, работа скучная и непосильная будет развивать распушенность, леность и беззастенчивое уклонение от обязанностей. Работы, задаваемые на дом, на первое время могут быть самые маленькие, легкие, состоящие в повторении, воспроизведении классной работы; затем их можно осложнять постепенно и довести до серьезных самостоятельных работ, которые могут иметь применение по всем главным предметам учебного курса. Во всяком случае, сущность и трудность работы учитель должен внимательно соображать и измерять знаниями и развитием учеников, чтобы приучать их к удовлетворительному исполнению своего дела. Из ученика, который ни разу не был поставлен в необходимость не исполнить или плохо исполнить свою работу, конечно, скорее выйдет основательный деловой человек, нежели из другого, уже попробовавшего явиться в школу вовсе без работы или с кое-какой работой. Последний, при первом удобном случае, повторит свою неисправность, а частое повторение ее, пожалуй, и вовсе обратит его в бесшабашную голову, способную работать лишь из-под палки, или, по крайней мере, под строгим и постоянным надзором.

Затем должны быть установлены разумные правила касательно школьной жизни детей. Все время пребывания их в школе можно разделить на

два отдела: часы учебных занятий и часы отдыха, отдаваемые игре, гимнастике, прогулкам и т. п. Для учебных часов, кроме правил гигиенических, необходимо установить, чтобы дети, по возможности, все время были заняты, сосредоточив свое внимание на классной работе, не мешая ни товарищам, ни учителю. Классное обучение, имеющее дело с массой, возможно только при условии, когда масса приведена в известный строй, до известной степени дисциплинирована. На приготовление к уроку лучше всего дать детям минут пять, но не начинать занятий, пока не будет все приготовлено. Во время урока требуются тишина и внимание: посторонних разговоров, вскрикиваний, подсказывания, переходов с места на место, посторонних занятий не должно быть. Все это возможно без строгих мер, без мертвящего страха, если требование поставлено серьезно и поддерживается неуклонно, как необходимый закон, без соблюдения которого невозможно учиться в школе; но, конечно, для этого необходимо, чтобы в учении содержалось достаточно интересной для детей работы, не утомляющей, а развивающей их душевные силы. При делении класса на отделения или группы, неизбежном в большинстве народных школ, где учатся вместе дети разных возрастов и познаний с одним учителем, каждая группа должна заниматься своим делом сосредоточенно, не отвлекаясь тем, что делается с другими группами, и, не мешая им. Замечательно, что в школах, пред-

ставляющих разделение класса на группы, при одном учителе, в детях заметно сильнее развивается способность сосредоточиваться на работе, уходить в самих себя, освобождаться от отвлекающего влияния обстановки, нежели в школах, где нет такого деления, и ученики не остаются никогда сами с собой, без учителя: так-то и условие, по-видимому невыгодное, может вызывать полезные результаты. Следует заметить эту выгодную сторону деления класса на группы и воспользоваться ею, потому что способность уходить в работу, отвлекаясь от обстановки, очень полезна в жизни, да притом находится в тесной связи со способностью самообладания, развитие которой входит в состав воспитательной задачи школы. Группа, занятая работой втихомолку, как это необходимо при обучении группами, должна внимательно выслушать, в чем состоит предлагаемая ей работа, своевременно расспросить учителя обо всем непонятном или неясном, и затем не мешать его занятиям с другой группой вопросами, обращениями, заявлениями и т. п. Стоит раз установить такой порядок, да не отклоняться от него. Пусть лучше на первый раз несколько мальчиков просидят так, вовсе без работы, если они не выслушали хорошенько объяснений учителя, обращенных ко всем, нежели допустить для них повторение сказанного: такое повторение, допущенное раз, поведет к повторению невнимательности, и должный порядок никогда не установится. Но воздержитесь от повторе-

ния в первый раз — завтра невнимательные мальчики уже будут настороже и у них, мало-помалу, будет складываться привычка быть внимательными. Во время занятий учителя отвечает тот, к кому обращен вопрос, кто назван по имени или на кого учитель указал; в случае обращения ко всему классу, всякий должен заготавливать ответ, и заявлять о своей готовности отвечать поднятием руки, но отвечает опять-таки тот, кого учитель назовет по имени, или на кого укажет. Правда, что точное исполнение этого правила, сколько известно из практики, недостижимо: дети, по свойственной им живости, часто, поднимая руки, вскакивают и отвечают, не дождавшись распоряжения со стороны учителя, каждому хочется отвечать и желание это у многих оказывается сильнее, нежели правило. Такое нарушение правила несправедливо было бы преследовать иначе, как замечанием, при этом не обращая внимания на ответ произвольный и выслушивая ответ, вызванный с таким вниманием, как бы первого вовсе не существовало. Учителю приходится руководствоваться своим учительским тактом и знанием детей, которые у него учатся, чтобы различить непрошенный ответ — невольный, вызванный внутреннею потребностью и интересом дела, от намеренного. К последнему можно отнести суровее: в случае повторения такого намеренного непрошенного ответа, ученика можно вовсе лишить слова на весь урок, даже удалить из класса. Надо еще иметь в виду, что поднятие

руки важно не столько для того, чтобы спросить ученика, который в состоянии отвечать, сколько для того, чтобы узнать тех, кто не может дать ответа, и на последних по преимуществу должно быть обращено внимание учителя: не поднимающие рук или не понявшие вопроса, или не усвоили тех понятий и знаний, какие необходимы для ответа, или не участвуют в классной работе. Особенной строгости и серьезного отношения заслуживают те из учеников, которые поднимают руки, не приготовив или не сформулировав ответа надлежащим образом: поднимающий руку не только должен знать, что следует ответить, но обдумать и сформулировать ответ. В случае ответа, неудовлетворительного по содержанию, лучше всего другим вопросом навести ученика на сознание ошибки; в случае ответа, неудовлетворительного по форме, лучше всего обратиться к другому ученику, как будто первого и не было, а потом, уже, получив удовлетворительный ответ, заметить первому, почему на его ответ не было обращено внимания. При писании на классных досках надо установить правило, приучая учеников исполнять его без напоминания: чтобы они всегда начинали писать с края, а не посреди доски, как это обыкновенно делают дети, и настолько высоко, сколько позволяет рост пишущего; пусть ученики приучаются соблюдать экономию в месте: учитель найдет немало случаев совершенно наглядно выяснить значение этой экономии, когда, например, на уроке арифметики придется испи-

сать целую доску. Следует приучить детей, чтобы условный знак учителя действовал на них, так сказать, магически: здесь все дело в привычке, которая легко складывается при последовательности и серьезности требований учителя. Когда вслед за уроком следует гимнастика или игра, на дворе или в другой комнате, по установленному учителем порядку, дети не выбегают из класса с криком, шумом, толкая друг друга: они устанавливаются парами, каждый зная место свое и своей пары, и выходят в порядке; то же наблюдается при возвращении в класс. Такой порядок вовсе не представляет стеснения и педантизма; с одной стороны, его требует уважение к классу и к классной работе, с другой — дети к нему легко привыкают и так сживаются с ним, что о стеснении тут не может быть и речи. Само собой разумеется, что дело учителя — наблюдать и ввести в обычай, чтобы ученики берегли и стены, и мебель, и учебные пособия в своем классе; в этом отношении самое лучшее — поставить дело так, чтобы ответственным лицом являлся весь класс, как одно целое, и если привлекать к ответственности отдельную личность, то не иначе, как выставляя его виновным перед классом, которому приходится стыдиться и получать замечание за испорченную классную мебель по вине одного. Когда сбережение классных вещей войдет в обычай, оно будет держаться даже просто по преданию, как держится по преданию во многих учебных заведениях противоположный

обычай портить и уничтожать все, принадлежащее учебному заведению. Кроме того, должно наблюдать, чтобы и собственные учебные вещи, как книги, перья, тетради, у детей были в возможном порядке. Развить уважение к учебным предметам и к своему труду, обратить это уважение в навык, ввести в школьные нравы, чтобы не было надобности и напоминать об этом — дело в высшей степени важное в воспитательном отношении. Уважение к книге и бережное отношение к ней — зародыш уважения к науке; бережное обращение с своей тетрадкой и добропорядочное содержание ее — зародыш уважения к труду вообще как к своему, так и чужому. Поэтому полезно с первого раза завести должный порядок относительно всех учебных предметов, которые находятся в распоряжении ученика, обращая на них постоянное внимание. Учитель сам показывает детям форму тетради, способ отгибания полей, линейки и надписания на обертке, для чего тетрадь заведена. При этом мы считаем полезным, чтобы ученики, по крайней мере, до конца учебного года, не рвали своих письменных работ, а особенно с заметками учителя: тут уже дело идет об уважении к труду не только своему, но и чужому, притом направленному к пользе детей, которые должны это понимать и дорожить тетрадью, в которой находятся заметки учителя. Хорошо, если у детей, кроме текущих черновых тетрадей, особо по каждому предмету, есть белая, куда они переносят время от

времени свои лучшие работы, по возможности, чисто и безошибочно переписывая их после просмотра учителем и по его указанию; пусть ученик имеет образчик своей работы, который может без стыда, показать кому угодно. Здесь дело в том благотворном сознании ученика, что у него есть свой собственный труд, заслуживающий внимания, в том хорошем чувстве, которым сопровождается такое сознание, поднимающее ученика в собственных глазах, ободряющее его. Форма тетрадей и надписей на них должна быть упрощена до последней степени и установлена раз и навсегда. Число тетрадей должно быть не велико, чтобы дети не путались, куда какую работу заносить; но необходимо, чтобы каждая работа заносилась в надлежащую тетрадь: это будет уже в некоторой степени признаком сознательного отношения к работе и к своим тетрадям.

Порядки в промежутки между уроками, во время отдыха от умственной работы. Часть этих промежутков отдается на гимнастические упражнения и пение, часть на завтрак, часть на игры и прогулки. О гимнастике и пении достаточно сказать, что здесь должен быть установлен тот же порядок, что и на уроках, дабы дети относились к этим занятиям с полным уважением, как к делу серьезному. Игра и прогулка тоже требуют порядка, стройности. Школа не может допускать внутри себя бесцельного беганья, бессмысленной возни, глупого крика, беспорядочной толкотни: потому она предлагает детям игры, соединенные с

движением, смехом, шумом, но беганье, смех, шум здесь являются осмысленными. Школа не может допускать внутри себя и разлада, господства силы и произвола ни одного над многими, ни многих над одним; поэтому выбор занятия, игры принадлежит учителю, который в этом случае руководствуется не личной прихотью, а интересами самих же детей или школьного дела. Если учитель уже установил такой порядок, он никого не будет ни стеснять, ни огорчать, но уклонись он раз от этого порядка, предоставь детям самим выбирать игру и т. п. — пойдут споры, ссоры, пожалуй, драки — и общее веселье разрушилось. Во время игры и прогулки не должно быть брани и драки, беганье и вообще игра не должны переходить в задор, учитель наблюдает, чтобы отношения между детьми были равноправные, справедливые, дружеские, без насилия массы над личностью и без насилия личностей над массой. Здесь ему приходится подмечать с особенною внимательностью, не проявился ли в толпе какой-либо диктатор, подчинивший себе массу или посредством физической силы, или большим, сравнительно, умственным развитием. Господство физической силы следует подавить без всякого ограничения; господство умственной силы, влияние характера, воли — требует предварительного наблюдения: может быть, оно благотворно, помогает воспитательно-учебной задаче школы и делу учителя, тогда надо только позаботиться о том, чтобы оно и продолжалось в том же

направлении, не уклоняясь в стороны. Если же направление этого умственного и нравственного преобладания вредно, тогда приходится бороться и, прежде всего, — против нравственной силы выставить тоже нравственную силу, а не грубое насилие. Здесь положение учителя очень трудно: ему приходится зорко следить за противной стороной и за самим собой, подчинить себе ту силу, которая овладела массой, или, в случае надобности, сбить своего противника с позиции, не давая заметить ни массе учеников, ни противнику, что ведется борьба, не роняя своего достоинства, не спеша, не горячась. Обдуманность, терпение и чувство любви, а не вражды и ненависти, должны руководить учителем в этой борьбе, если он хочет выиграть дело в истинном смысле, потому что полною его победою можно назвать лишь тот случай, когда он освободит массу от тираний, но в то же время овладеет и тираном настолько, чтобы направить его в хорошую сторону. Бывают в школах нередко случаи совершенно противоположные: господство и насилие толпы над личностью. Иногда толпа не взлюбит одного ученика, жестоко преследует его на каждом шагу, и далеко не всегда ее преследование бывает справедливо. Здесь задача учителя состоит в том, чтобы восстановить нарушенную справедливость — остановить грубое, негуманное проявление чувства антипатии, защитить страдающего, хотя бы он и сам был виновником общей нелюбви к нему, если нерасположение

товарищества возбуждено неодобрительными свойствами в характере страдающего, постараться, защищая его от грубых и жестоких преследований, исправить эти неодобрительные свойства. Здесь, прежде всего, нужна нравственная сила: приказание и наказание, пожалуй, защитит преследуемого, но не смягчит массы, а раздражит ее и вооружит еще более; такая защита, пожалуй, принесет и пользу преследуемой личности, подействует на нее исправительным образом, но не исправит массы от ее грубости, а учитель должен иметь в виду всех своих учеников. Самое лучшее в подобных случаях, не обращая видимого внимания на враждебное настроение массы, защищать преследуемого в крайних случаях, между тем своим справедливым и разумным отношением к нему, соответствующими целями разговоров и чтением, давать пример, стараясь вызвать в массе подражание, а на преследуемого действовать в интересах его исправления. Особенно учитель должен сам воздерживаться от преследований, от кличек и насмешек, от малейшего, прямого или косвенного, участия в преследованиях, проявляющихся в толпе. С другой стороны, замечая в детях разумные и гуманные проявления товарищества, помощь друг другу, сострадание, бескорыстное участие в чужой беде и т. п., словом, все, обнаруживающее гуманность, учитель должен поддерживать такое настроение своих учеников, своим примером способствовать его развитию и укреплению. Этого мало

— он должен возбуждать и вызывать альтруистические чувства — примером, разговорами, чтением. Но при этом следует воздержаться от длинных поучений, которые обыкновенно вовсе не затрагивают детей, а надоедают им. Педагоги-говоруны, с их фразистыми поучениями, никогда ничего не достигают и нередко становятся просто ненавистными детям, а следовательно, действуют не в пользу, а во вред делу. Следует также воздержаться, при проявлениях в детях гуманности, не только от наград, но и от похвал, чтобы человеколюбие не соединилось с тщеславием: надо воспитать в человеке способность наслаждаться добрым поступком и его результатами втихомолку, помимо всяких наград и одобрений; доброта, основанная на тщеславии, фальшива и бесплодна.

Говоря о внутренних порядках и о складе школьной жизни, нельзя обойти молчанием вопрос о наказаниях и наградах, как обычных мерах для поддержания порядка, который установлен учителем и признается им полезным или необходимым.

У многих понятие о порядке и дисциплине неразрывно связано с представлением о наказаниях и наградах, как будто без них не может быть порядка. Все, что было сказано в этой книге, кажется, должно наводить на мысль совершенно иную. С мыслью о наказании у маленького ученика связывается не сознание необходимости порядка, а сознание выгоды увернуться от наблюдательности учителя или хитростью, или упрямством. Во вся-

ком случае, наказание, как кара, если и приведет иногда к цели, то вместе с тем заронит в душу ученика немало дурного. Но замечательно, что система воспитания посредством карающих наказаний весьма дурно действует и на воспитателя или учителя. Ведь легче наказывать ребенка, нежели действовать на него другими, более разумными средствами; не приготовил, например, ученик урока, вместо того, чтобы подействовать на него интересом самого дела, возбудить в нем стремление к работе, любознательность, внимание, желание знать, то ли дело наказать, это легче и скорее. Удобство такого образа действий так завлекательно действует на иного учителя, что количество наказаний, рассыпаемых им на учеников, растет да растет, так что, в конце концов, они делаются не исключением, а сущностью в его деятельности: он только и делает, что задает уроки да наказывает. Мы думаем, что в хорошей школе может быть допущен только один вид наказания, это такие мероприятия, которые вытекают из самого проступка, как его естественное следствие, и представляются очевидною необходимостью, против которой не может быть ни протеста, ни ропота. Конечно, удаление беспокойного, мешающего товарищам ученика, из среды товарищей: удаляемый поймет сам, что учителю ничего более не остается, что не приходится жертвовать интересами целого класса ради одного, справедливее пожертвовать им ради всех. И если классная работа ведется так, что она занимает детей, а они дорожат

ею и любят ее, то ученик сделает над собой усилие, чтобы в другой раз не лишаться права на участие в классной работе. Если мальчик беспрестанно в игре дерется, обижает других, нарушает общее согласие и спокойствие, опять прямым последствием такого поведения может быть устранение буяна от игры, и он почувствует справедливость этого удаления... Придерживаясь такого начала, можно считать справедливыми и целесообразными, следующие наказания, которые могут следовать одно за другим в известной последовательности: 1) шалун, буян, невнимательный пересаживается на особое, видное место, например: к стене, к доске, рядом с учителем; 2) упорный в шалостях и беспорядках удаляется из классной комнаты на несколько минут, на весь урок, на целый день, смотря по обстоятельствам, мера в этом случае определяется соображениями учителя, принимающего во внимание личность удаляемого и предшествующие обстоятельства; 3) высшую степень той же меры, к которой можно прибегать в крайности, как можно реже, чтобы она ученикам представлялась чрезвычайным событием в их школьной жизни, может составлять — удаление ученика из школы — на день, на два, на несколько дней. К этим мерам, если дети привязаны к учителю и дорожат его мнением и словом, как меры предварительные, можно присоединить: замечание, невнимательное отношение учителя, который перестает обращаться к ученику, возбудившему его неудовольствие, разговаривать с ним, забо-

таться об его успехах, просматривать его работы.

При беспорядочном исполнении работ и вообще неудовлетворительной исполнительности, важное значение имеет настойчивость учителя. Ученик, не исполнивший урока, пусть исполнит его в первое свободное время, когда можно засадить его за эту работу, не нарушая последовательности текущих занятий другими предметами, например, он может быть отделен во время игры, пения, гимнастики, чтения, если такое отделение не отнимает у него возможности заниматься этими предметами в следующий раз наравне с товарищами. Не беда, если он один раз не будет петь или играть, не беда, если не выслушает одной статейки, при чтении которой учитель не предполагает выработать какое-либо новое понятие, необходимое звено в обдуманной им системе, без которого нельзя подняться с низшей ступени на высшую. Пусть у учеников складывается мысль о необходимости делать все в свое время и привычка распоря-

жаться благоразумно своим временем. Наказание, как кара, искупает проступок, но вовсе не исправляет, а нередко или озлобляет ребенка, или учит хитрости и лукавству, или примиряет со своей неисправностью. Известны случаи такого навыка к наказаниям, что шалуны и лентяи начинают смотреть на наказание, как на обычное дело в своей жизни, даже бравируют им.

Нельзя считать полезными и награды, приучающие детей ожидать похвал или вознаграждения за удовлетворительное исполнение дела. Учение не относится к категории труда, требующего вознаграждения теми благами, которые соединяются со знанием и развитием умственных сил, надо, чтобы у детей вырабатывался мало-помалу такой взгляд на учение; низводить его до работы поденщика, получающего за свой труд условную плату, было бы большой педагогической ошибкой, и сохрани нас бог от такой ошибки, что бы ни говорили защитники наград и похвальных листов.